

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

Александр
БОРИСОВ,

народный артист СССР,
Герой Социалистического
Труда

НАШИ УНИВЕРСИТЕТЫ

Нашему Ленинградскому академическому театру драмы имени А. С. Пушкина — 225 лет. В дни юбилеев всегда хочется оглянуться на пройденный путь, особенно если за плечами уже семь с лишком десятков лет и стаж работы составляет четверть всей истории первого государственного драматического театра России.

Буквально всем обязан я своему театру. Отрочество провел на его «галерке», именно тогда и зародилась во мне любовь к искусству. По многу раз видел Давыдова, Юрьева, Ходотова в их коронных ролях. Никогда не забыть мне «дедушку» — Владимира Николаевича Давыдова. Вот у кого можно было поучиться! Позже мне повезло встретиться с ним на подмостках. И тут я в полной мере оценил уникальные давыдовские паузы, которыми так восхищался Станиславский. В безомном трехминутном проходе по сцене его Расплюева в «Свадьбе Кречинского» (а в театре три минуты — целая вечность!) отчетливо, но боли прочитывалась вся незадачливая судьба персонажа.

А другой корифей театра — Юрий Михайлович Юрьев стал моим педагогом. Именно он сделал из меня артиста. Мне часто говорили, что не верится, что я — ученик Юрьева, актера-романтика, зажиткавшего сердца зрителя возвышенным трагедийным пафосом. А моим героям, дескать, всегда свойственны простота, неброскость сценического рисунка. На это я неизменно отвечаю, что никакого противоречия тут нет. Юрий Михайлович вовсе не кроил нас по своему образу и подобию. Он-то понимал, что Юрьев — это Юрьев, такая уж у него школа, а новая эпоха требовала чего-то иного. И, главное, он, истинный александринец, прекрасно знал цену жизненно правдивого, как бы мы сейчас назвали, органичного существования на сцене. Этому мудрый педагог и пытался нас научить. Вечно живя в моем сердце благодарность к своему учителю!

«Мои университеты» — это подмостки и кулисы моего второго дома — театра, а профессора в том университете — коллеги, артисты и режиссеры. Как повезло мне в жизни! Ведь рядом творили Корчагина — Александровская,

Певцов, Мичурина-Самойлова, Домашова, Тиме, Горин-Горнянов, Рашевская... Разве можно забыть глаза таких партнеров?

Преемственность прекрасных традиций сценического реализма подхватили и актеры моего поколения. Я назову лишь самые выдающиеся имена: Черкасов, Симонов, Меркурьев, Честноков, Толубеев. Горько, что этих мастеров уже нет среди нас. Всех их отличало завидное умение вылепить сценический образ масштабно, крупно, им были в высшей степени свойственны четкая гражданская позиция, художническая принципиальность, бескомпромиссность и в творчестве, и в жизни.

«Глаголом жеч сердца людей» — вот лейттема постоянной подвижной жизни в искусстве Николая Константиновича Черкасова. И «зерно» его лучших работ всегда составляли остроты, высье идеи, увлеченность своим делом.

Таков был и образ Мичурина, которого этот замечательный артист сыграл в спектакле «Жизнь в цвету» А. Довженко. А я исполнил роль Калинина. В единственной нашей общей сцене Черкасов — Мичурин проявлял необычайную экспансивность. Он страшно спешил поделить со Всесоюзным старостой самыми сокровенными мыслями о красоте земной, о плодородии, о том, что природа облагораживает человека. Слово за слово — и старец превращался в юношу-мечтателя.

Тут я опять — в который уже раз — убеждался: верное решение образа во многом определяет партнер. На сцене я разговаривал не с Черкасовым, а с человеком, увиденным впервые в жизни. А это очень облегчало мою задачу! Подчинился его сценическому существованию, начинаешь и сам искать в себе качества, присущие воплощаемому персонажу.

Да, чем правдивее, эмоциональнее, чем точнее отвечает замыслу спектакля мой партнер, тем щедрее раскрывается навстречу образу и мой актерская природа. В этом великая сила искусства перевоплощения, глубинного сценического реализма.

А с какими замечательными режиссерами мне довелось работать! Тут и Николай Васильевич Петров, которому наш театр обязан своими завоеваниями в воплощении произведений молодой совет-

ской драматургии. И Владимир Платонович Кожич, вложенный и чуткий интерпретатор русской живописи. И, конечно же, Леонид Сергеевич Вивьен, почти тридцать лет возглавлявший творческий коллектив пушкинцев, постановщик, артист и педагог, так много сделавший во славу своего театра. У них был абсолютно разный режиссерский почерк, но их всех роднило стремление создать из первоклассных солистов безупречно звучащий на сцене «оркестр».

Все, о ком я рассказывал, вложили в меня частичку собственной души. Только с их помощью и я кое-чего достиг в сценическом искусстве. Но есть у всякого человека творческого труда еще один величайший учитель — жизнь.

Я из поколения тех, чья юность овеяна романтикой первых пятилеток. И потому мои актерские удачи тех лет — это образы молодых энтузиастов, смело крушащих все, что мешало идти вперед, и не менее азартно строящих новое, светлое. Очень дорог мне Борис Волгин — герой отличной пьесы Афиногенова «Чудак», ведь здесь безраздельно слились мое артистическое и человеческое «Я».

Тогда я исполнил многие тысячи километров трудных дорог, ездил с концертными бригадами на Туркестан, побывал в деревнях, где только начиналась коллентивизация. Со множеством самых разных людей довелось встретиться на своем долгом веку. Вот из таких встреч, по-моему, и складывается то, что именуют жизненным опытом.

В годы Великой Отечественной войны наш театр был эвакуирован в Новосибирск. Я и мой друг, артист нашего театра Константин Адашевский, подготовили концертную программу, которая называлась «Огонь во врагу!». Сначала она ежечеловечно передавалась по Новосибирскому радио, а позднее мы выехали с этой программой в Действующую армию. Два месяца выступали перед бойцами на передовой, в блиндажах и на лесных опушках, вместе с солдатами совершали немалые переходы. И каждый день нашего пребывания на фронте был для нас суровой жизненной школой.

А в мирное время я объездил с театром едва ли не всю страну.

Я всегда внимательно наблюдал за встречающимися мне людьми: на сцене много может пригодиться! Вот, например, готовил я роль коммуниста Большакова в спектакле «Сын века». И очень помогла мне тогда встреча с одним крупным партийным руководителем, ярким, интересным человеком. Я познакомился с ним в Берлине, сразу же после войны. Он был тогда окрылен трудным и прекрасным делом — восстановлением разрушенного войной. Его вдохновляли масштабы будущей всесоюзной строительной площадки. Этот человек стал для меня прообразом Большакова.

А сегодня с особым, трепетным чувством исполню роль ответственного работника министерства Ивана Андреевича в спектакле «Пока бьется сердце». Мой герой — коммунист ленинской школы, достойный пример для подражания.

Вообще долгая жизнь научила меня — нет на свете людей обыкновенных, интересных. Так сияет и милый моему сердцу Титан Гара из спектакля, созданного в нашем театре по пьесе словацкого драматурга Заградниана «Мелодия для павяна».

Как щедро наделен он добротой, любовью к людям, к природе, как хочется признать ему истинную красоту в повседневную жизнь окружающих! Талантливый автор раскрыл передо мной целый мир чувств, многоцветную гамму тончайших душевных движений. Молодой драматург дал мне на склоне лет редкую возможность высказаться до конца, еще раз испытать ни с чем не сравнимую творческую радость, когда твои самые сокровенные помыслы совпадают с думами и чаяниями персонажа...

У нас в Ленинградском академическом театре драмы имени А. С. Пушкина растет прекрасная молодая смена. И я знаю, лучшие традиции русского сценического реализма, хранилищем и продолжателем которых во все времена был коллектив Российского — Александринского — Пушкинского театра, в надежных руках. Мне только хочется напомнить своим юным коллегам мудрое древнее изречение: «Жизнь коротка, искусство — вечно». Никогда не забывайте об этом.

ЛЕНИНГРАД.